Москва, 6 марта, Благовест-инфо. «Меня поразила необычайная жестокость репрессий по отношению именно к верующим во время Великой Отечественной войны», – с этой фразы начал 4 марта свою лекцию в Музее истории ГУЛАГа Олег Будницкий – доктор исторических наук, директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий, профессор школы исторических наук НИУ ВШЭ. Лекция о репрессиях против верующих была построена на архивных исследованиях; она стала первой в цикле «Сталинизм и война», организованном при участии Музея истории ГУЛАГа и возглавляемого Будницким Международного центра. По словам лектора, существует огромная литература по сталинским репрессиям, но история репрессий во время войны исследована крайне фрагментарно. Свыше 16 млн человек – таково число осужденных судами общей юрисдикции, военными трибуналами и разного рода специальными судами в 1941–1945 гг. Это превосходит любой сопоставимый по времени период в советской истории, отметил ученый. В отношении «служителей культа» и простых мирян власти действовали с особой жестокостью: чаще всего они получали смертные приговоры.

Чтобы дать представления о масштабах военной репрессивной политики, Будницкий напомнил, что советская власть «пыталась извести религию вообще, оставив немного для "вывески свободы совести" за рубежом». Во время Большого террора 1930-х гг. были уничтожены десятки тысяч священников и активных мирян. Оставшиеся верующие вынуждены были переходить на нелегальное положение, любое их собрание давало повод инкриминировать им «контрреволюционную организацию», а уж если на этом собрании не возносились молитвы о советской власти и звучали критические слова в ее адрес, это считалось «антисоветской агитацией». Такой подход лежал в русле общей тенденции – формально верующих преследовали не «за религию», а по политическим мотивам. И надзорные органы блюли эту чистоту формулировок, укоряя тех судей, которые писали в приговоре «антисоветская агитация религиозного характера»: «такая недопустимо небрежная формулировка, из которой можно сделать вывод, что Советское государство якобы преследует религию, является политически вредной».

«Но советское государство именно религию и преследовало», – подчеркнул историк. Он перечислил ряд статей, по которым осуждали верующих: 58-10 (антисоветская агитация), 58-11 (групповые контрреволюционные действия), 58-4 (контрреволюционный саботаж: например, отказ заключенных выходить на работу в религиозные праздники) – все они были основанием для вынесения смертных приговоров. И по сравнению с другими арестованными, получившими те же статьи, верующие гораздо чаще приговаривались к казни.

Еще одна особенность репрессий против верующих во время войны: подавляющее большинство осужденных за веру – женщины. «По числу расстрелянных женщин этому периоду нет равных в истории репрессий. Женщины были чрезвычайно упорны в своей вере», – отметил историк.

Итак, в предвоенные годы советская власть «не добила» церковь окончательно – не только из-за «вывески», но главным образом потому, что на присоединенных в 1939 г. к СССР западных территориях оказались миллионы верующих, которых «надо было как-то советизировать, поставить под контроль – для этого понадобились уцелевшие архиереи»: архиепископ Сергий (Воскресенский) стал экзархом в Прибалтике, архиепископ Николай (Ярушевич) – экзархом в Западной Украине. НКВБ «считало их своими агентами» – такую формулировку ученый считает корректной. Так в предвоенные годы церковь «получила отсрочку», однако это не изменило конечных целей большевистской власти, стремившейся к ликвидации религии как таковой. Закрытие храмов и аресты православных священников продолжались, как и репрессии в отношении представителей других религий и конфессий.

Но с началом войны, в первые же ее часы началась «реинкарнация Большого террора»: в 7 часов утра 22 июня 1941 г. НКВД представил в Москве список из более чем тысячи «подозрительных» лиц, в том числе – 91 «сектант-антивоенник». В первые месяцы войны арестовано было на 253% больше людей по сравнению с первым кварталом 1941 года. Как и в 1937–1938 гг., аресты носили превентивный характер, отличались крайней жестокостью приговоров и осуществлялись на всей территории страны, обрушившись на «подозрительных», прежде всего из определенных категорий населения. Что касается религиозных активистов, то в первой половине 1941 г. смертные приговоры выносились им едва ли не чаще, чем любым другим «контрреволюционерам». В ряде случаев решения, принятые весной 1941 г., утверждались уже после начала войны. Последовала новая волна арестов: историк привел имена и истории архиереев и священников, уничтоженных в первые месяцы войны; многие из них были осуждены повторно. Большинство репрессированных в годы войны за веру – «простые» люди. По-видимому, среди них преобладали «непоминающие», не принимавшие «сергианство», очень высока была доля женщин. Однако «сосчитать» всех трудно, поскольку статистика репрессий против верующих в судебной системе не велась, они преследовались как «контрреволюционеры» или «социально опасные элементы».

Особое внимание лектор уделил такому массовому явлению военного времени, как осуждение верующих разных конфессий в лагерях. Они нередко держались группой, к тому же некоторые отказывались выходить на работу в воскресенье и в дни религиозных праздников – это было поводом для повторного осуждения уже в лагере, что прибавляло срок или вело к расстрелу. Особенно «свирепствовало» в этом отношении начальство Карлага: здесь расстреливали сразу по трое, четверо, восемь «религиозниц»; в Мордовском лагере летом 1942 г. по этим же обвинениям лишили жизни девятерых женщин. Историк привел выдержки из показаний некоторых из них: они признаются, что разговаривали с другими о вере и Евангелии, тайком пели гимны, писали письма домой…

А как же «примирение» Сталина с Русской Церковью в 1943 г.? По словам Будницкого, нередко можно встретить мнение, что это был чуть ли не осознанный поворот власти к

«исконным ценностям», поскольку РПЦ «доказала свою патриотическую позицию», что власть якобы «пошла навстречу пожеланиям верующих», решила «перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов в борьбе с общим врагом России» и т.д. Историк считает такие утверждения «глубоким заблуждением». Известная встреча Сталина с несколькими оставшимися на свободе иерархами 4 сентября 1943 г., после которой было восстановлено патриаршество и некоторые церковные структуры и возможности, продиктована «явно внешнеполитическими причинами»: это был демонстративный жест в сторону союзников. Кроме того, что «не за горами было время, когда Красная Армия войдет в страны с православным населением», и тут помощь церкви тоже должна была понадобиться. Поэтому на 1943 г. приходится спад репрессий против верующих, а вскоре они снова возобновляются с удвоенной силой, когда освобождаются оккупированные Германией территории (а там, напомнил историк, проживало почти 70 млн человек в течение почти трех лет). С 1943 по 1953 гг. советскими судами было осуждено более 350 тыс. человек по обвинению в коллаборационизме, в их числе – множество священников и верующих. «Власть использовала церковь. Когда она стала не нужна, последовал резкий рост отказов в открытии храмов. До 1953 г. верующие и священнослужители рассматривались как «враждебные элементы»», – утверждает историк.

«Мы еще много не знаем о репрессиях, в том числе – в отношении верующих», – сказал он, отметив, что в изданных книгах памяти не сведений о многих, чьи надзорные дела он и его сподвижники (сотрудники и студенты НИУ ВШЭ, волонтеры) просматривали в Государственном архиве РФ. «Верующие мы сами или неверующие, но наш долг – восстановить память тех, кто был убит за свои убеждения, за слова, за то, что в самых нечеловеческих условиях оставались людьми и готовы были жизнь положить за то, чтобы сохранить веру и свое человеческое достоинство», – заключил Будницкий.

Юлия Зайцева

Москва, 6 марта, Благовест-инфо.

«Меня поразила необычайная жестокость репрессий по отношению именно к верующим во время Великой Отечественной войны», – с этой фразы начал 4 марта свою лекцию в Музее истории ГУЛАГа Олег Будницкий – доктор исторических наук, директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий,

профессор школы исторических наук НИУ ВШЭ. Лекция о репрессиях против верующих была построена на архивных исследованиях; она стала первой в цикле «Сталинизм и война», организованном при участии Музея истории ГУЛАГа и возглавляемого Будницким Международного центра.

По словам лектора, существует огромная литература по сталинским репрессиям, но история репрессий во время войны исследована крайне фрагментарно. Свыше 16 млн человек – таково число осужденных судами общей юрисдикции, военными трибуналами и разного рода специальными судами в 1941–1945 гг. Это превосходит любой сопоставимый по времени период в советской истории, отметил ученый. В отношении «служителей культа» и простых мирян власти действовали с особой жестокостью: чаще всего они получали смертные приговоры.

Чтобы дать представления о масштабах военной репрессивной политики, Будницкий напомнил, что советская власть «пыталась извести религию вообще, оставив немного для "вывески свободы совести" за рубежом». Во время Большого террора 1930-х гг. были уничтожены десятки тысяч священников и активных мирян. Оставшиеся верующие вынуждены были переходить на нелегальное положение, любое их собрание давало повод инкриминировать им «контрреволюционную организацию», а уж если на этом собрании не возносились молитвы о советской власти и звучали критические слова в ее адрес, это считалось «антисоветской агитацией». Такой подход лежал в русле общей тенденции – формально верующих преследовали не «за религию», а по политическим мотивам. И надзорные органы блюли эту чистоту формулировок, укоряя тех судей, которые писали в приговоре «антисоветская агитация религиозного характера»: «такая недопустимо небрежная формулировка, из которой можно сделать вывод, что Советское государство якобы преследует религию, является политически вредной».

«Но советское государство именно религию и преследовало», – подчеркнул историк. Он перечислил ряд статей, по которым осуждали верующих: 58-10 (антисоветская агитация), 58-11 (групповые контрреволюционные действия), 58-4 (контрреволюционный саботаж: например, отказ заключенных выходить на работу в религиозные праздники) – все они были основанием для вынесения смертных приговоров. И по сравнению с другими арестованными, получившими те же статьи, верующие гораздо чаще приговаривались к казни.

Еще одна особенность репрессий против верующих во время войны: подавляющее большинство осужденных за веру – женщины. «По числу расстрелянных женщин этому периоду нет равных в истории репрессий. Женщины были чрезвычайно упорны в своей вере», – отметил историк.

Итак, в предвоенные годы советская власть «не добила» церковь окончательно – не только из-за «вывески», но главным образом потому, что на присоединенных в 1939 г. к СССР западных территориях оказались миллионы верующих, которых «надо было как-то советизировать, поставить под контроль – для этого понадобились уцелевшие архиереи»: архиепископ Сергий (Воскресенский) стал экзархом в Прибалтике, архиепископ Николай (Ярушевич) – экзархом в Западной Украине. НКВБ «считало их своими агентами» – такую формулировку ученый считает корректной. Так в предвоенные годы церковь «получила отсрочку», однако это не изменило конечных целей большевистской власти, стремившейся к ликвидации религии как таковой. Закрытие храмов и аресты православных священников продолжались, как и репрессии в отношении представителей других религий и конфессий.

Но с началом войны, в первые же ее часы началась «реинкарнация Большого террора»: в 7 часов утра 22 июня 1941 г. НКВД представил в Москве список из более чем тысячи «подозрительных» лиц, в том числе – 91 «сектант-антивоенник». В первые месяцы войны арестовано было на 253% больше людей по сравнению с первым кварталом 1941 года. Как и в 1937–1938 гг., аресты носили превентивный характер, отличались крайней жестокостью приговоров и осуществлялись на всей территории страны, обрушившись на «подозрительных», прежде всего из определенных категорий населения. Что касается религиозных активистов, то в первой половине 1941 г. смертные приговоры выносились им едва ли не чаще, чем любым другим «контрреволюционерам». В ряде случаев решения, принятые весной 1941 г., утверждались уже после начала войны. Последовала новая волна арестов: историк привел имена и истории архиереев и священников, уничтоженных в первые месяцы войны; многие из них были осуждены повторно. Большинство репрессированных в годы войны за веру – «простые» люди. По-видимому, среди них преобладали «непоминающие», не принимавшие «сергианство», очень высока была доля женщин. Однако «сосчитать» всех трудно, поскольку статистика репрессий против верующих в судебной системе не велась, они преследовались как «контрреволюционеры» или «социально опасные элементы».

Особое внимание лектор уделил такому массовому явлению военного времени, как осуждение верующих разных конфессий в лагерях. Они нередко держались группой, к тому же некоторые отказывались выходить на работу в воскресенье и в дни религиозных праздников – это было поводом для повторного осуждения уже в лагере, что прибавляло срок или вело к расстрелу. Особенно «свирепствовало» в этом отношении начальство Карлага: здесь расстреливали сразу по трое, четверо, восемь «религиозниц»; в Мордовском лагере летом 1942 г. по этим же обвинениям лишили жизни девятерых женщин. Историк привел выдержки из показаний некоторых из них: они признаются, что разговаривали с другими о вере и Евангелии, тайком пели гимны, писали письма домой…

А как же «примирение» Сталина с Русской Церковью в 1943 г.? По словам Будницкого, нередко можно встретить мнение, что это был чуть ли не осознанный поворот власти к «исконным ценностям», поскольку РПЦ «доказала свою патриотическую позицию», что власть якобы «пошла навстречу пожеланиям верующих», решила «перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов в борьбе с общим врагом России» и т.д. Историк считает такие утверждения «глубоким заблуждением». Известная встреча Сталина с несколькими оставшимися на свободе иерархами 4 сентября 1943 г., после которой было восстановлено патриаршество и некоторые церковные структуры и возможности, продиктована «явно внешнеполитическими причинами»: это был демонстративный жест в сторону союзников. Кроме того, что «не за горами было время, когда Красная Армия войдет в страны с православным населением», и тут помощь церкви тоже должна была понадобиться. Поэтому на 1943 г. приходится спад репрессий против верующих, а вскоре они снова возобновляются с удвоенной силой, когда освобождаются оккупированные Германией территории (а там, напомнил историк, проживало почти 70 млн человек в течение почти трех лет). С 1943 по 1953 гг. советскими судами было осуждено более 350 тыс. человек по обвинению в коллаборационизме, в их числе – множество священников и верующих. «Власть использовала церковь. Когда она стала не нужна, последовал резкий рост отказов в открытии храмов. До 1953 г. верующие и священнослужители рассматривались как «враждебные элементы»», – утверждает

историк.

«Мы еще много не знаем о репрессиях, в том числе – в отношении верующих», – сказал он, отметив, что в изданных книгах памяти не сведений о многих, чьи надзорные дела он и его сподвижники (сотрудники и студенты НИУ ВШЭ, волонтеры) просматривали в Государственном архиве РФ. «Верующие мы сами или неверующие, но наш долг – восстановить память тех, кто был убит за свои убеждения, за слова, за то, что в самых нечеловеческих условиях оставались людьми и готовы были жизнь положить за то, чтобы сохранить веру и свое человеческое достоинство», – заключил Будницкий.

Юлия Зайцева